

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОРЯДКОВ

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: volchik@sfedu.ru*

КОТ ВЕРА ВИТАЛЬЕВНА,

*кандидат экономических наук, старший преподаватель,
Южный федеральный университет,
e-mail: vkot@sfedu.ru*

Политика модернизации направлена на выравнивание уровня экономического развития стран. Экономическое развитие и институты взаимосвязаны, с одной стороны, существование качественных институтов приводит к росту экономики, а с другой, – определенный уровень благосостояния приводит к накоплению человеческого и социального капитала, которые создают фундамент для формирования современных институтов. Институты и технологии рассматриваются в контексте исторических особенностей их эволюции. Действия групп специальных интересов, доминирование церемониальных ценностей, блокировка вследствие зависимости от предшествующей траектории развития на неэффективных институтах являются серьезными препятствиями для модернизации экономики. Экономическая политика, направленная на модернизацию экономики, приносит плоды при существовании консенсуса среди элит по поводу целей и методов ее осуществления с учетом национальных особенностей эволюции институтов.

Ключевые слова: модернизация; институциональные изменения; технологические изменения; социальные ценности; институциональная экономика; экономическая политика.

INSTITUTIONAL CHANGE IN CONTEXT OF ECONOMIC ORDERS MODERNIZATION

VOLCHIK VYACHESLAV, V.,

*Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
e-mail: volchik@sfedu.ru*

KOT VERA, V.,

*Candidate of Economic Sciences (PhD), Senior Lecturer,
Southern Federal University,
e-mail: vkot@sfedu.ru*

Economic policy of modernization aims at reducing the differences in the economic development between countries. Economic development and institutions are interdependent; on the one hand, existence of high-quality institutions results in economic growth, but, on the other hand, achieved level of well-being can lead to accumulation of human and social capital which are able to create the foundations for the modern institutions. Institutions and technologies are considered in the historical context of its evolution. The actions of special interest groups, prevalence of the ceremonial values, lock-

in on the inefficient institutions caused by path-dependency are the obstacles to economic modernization. Economic policy of modernization favors economic development if there is a consensus among the elites about the purposes and methods of its implementation in accordance with national features of the evolution of institutions.

Keywords: modernization; institutional change; technological change; social values; institutional economics; economic policy.

JEL: B52, F63, I25, P48, Z18.

1. Постановка проблемы

В современном экономико-теоретическом дискурсе понятие модернизации стало довольно популярным. В развивающихся и постсоциалистических странах с модернизацией связываются надежды на догоняющее развитие. Как и всякое общее понятие, модернизация допускает множество трактовок и различной смысловой нагрузки. В рамках институциональной экономической теории проблематика модернизации хозяйственных порядков также широко распространена. В данной статье проблема модернизации рассматривается преимущественно сквозь призму подходов оригинального (старого) институционализма и эволюционной экономики.

Асинхронность целенаправленного изменения технологий и механизмов регулирования, с одной стороны, и институтов, – с другой, создает значительные препятствия для успешной модернизации хозяйственного порядка. Реализация целей модернизации также зависит от решения проблемы коллективных действий и групп специальных интересов, ориентированных на перераспределение и получение политической ренты. Группы специальных интересов как институциональные инноваторы могут сдерживать изменения институтов, следуя узким интересам при производстве коллективного блага.

Особенности эволюции институциональных систем, институциональное многообразие и специфика отдельных хозяйственных порядков лежат в основе формирования специфических типов модернизации. Модели модернизации различаются в зависимости от специфики политических, культурных и исторических особенностей развития. Однако общим моментом в моделях модернизации является целенаправленный импорт институтов и технологий, позволяющих использовать преимущества возрастающей отдачи и социальных коммуникаций, характерных для порядков открытого доступа (*Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011*).

Модернизация современных хозяйственных порядков в направлении создания постиндустриального (информационного) общества должна учитывать особенности эволюции социальных ценностей, доминирующих в хозяйственном порядке. Религиозность и секуляризация в современных условиях продолжают оказывать заметное влияние на формирование социальных ценностей. Усиление влияния религиозности детерминирует процессы по вытеснению инструментальных ценностей церемониальными, что негативно влияет на модернизацию институциональной системы хозяйственного порядка.

Технологии и институты обладают определенной схожестью, что позволяет делать некоторые теоретические обобщения о траектории развития в зависимости от исторических событий. В рамках данного подхода не затрагивается вопрос о скорости изменений как институтов, так и технологий, а акцентируется внимание на механизмах блокировки на той или иной траектории развития, обусловленных возрастающей отдачей.

Возрастающая отдача является не только признаком современных постиндустриальных технологий. Возрастающая отдача также присуща институтам, которые внедряются группами со всеохватывающими интересами. Одним из важнейших институтов с возрастающей отдачей является институт (высшего или университетского образования), который не только позволяет воспроизводить инструментальные ценности, но и способствует формированию социальных связей,

необходимых при модернизации хозяйственного порядка.

Реализация мер экономической политики, направленных на модернизацию, зависит от политической воли элит, доминирующих в том или ином социальном порядке. Политические процессы, в ходе которых формируются группы интересов со всеохватывающими интересами, являются скорее исключением, чем правилом для порядков с ограниченным доступом (естественных государств). Поэтому зачастую процессы модернизации инициируются просвещенными автократами, которым удается сплотить элиты вокруг целей модернизации и нейтрализовать сопротивление консервативных групп специальных интересов.

2. Институциональные изменения и модернизация

Институты имеют значение, в важности данного тезиса не надо убеждать экономистов, причисляющих себя к одному из течений институционализма. Вопросы относительно институтов возникают, когда мы начинаем задумываться о том, какие функции выполняют институты, как они изменяются и влияют на экономическое развитие. В данной статье мы концентрируемся на проблеме влияния институтов на экономическое развитие в контексте модернизации.

В появившемся за последние десять лет множестве исследований о взаимозависимости институтов и экономического развития можно условно выделить два магистральных направления. Согласно первому, эффективные (качественные, развитые) институты являются основной причиной успешного экономического развития (*Acemoglu, Johnson and Robinson, 2005; Acemoglu and Robinson, 2012*). Согласно альтернативной точке зрения, хорошие (эффективные) институты возникают только в обществах, достигших определенного уровня благосостояния, которое проявляется в достаточном накоплении человеческого капитала (*Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes and Shleifer, 2004*).

В современной экономической науке часто идеи, лежащие в основе этих двух подходов, имплицитно или эксплицитно включаются в теоретические конструкции. Например, новая экономическая компаративистика (*Djankov, Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes and Shleifer, 2003*) (в рамках этого подхода объединяются сравнительный анализ экономических систем и новый институционализм (*North, 1975*)) объясняет трансформацию экономических систем анализом институционального многообразия с позиций его измеряемой эффективности. Этот подход заключается в идее существования границы институциональных возможностей, крайние точки которой соответствуют полному хаосу (беспорядку) или полной диктатуре. Модель охватывает широкий спектр институтов: правовую систему, методы социального и политического контроля над бизнесом и т.д. (*Россер-мл. и Россер, 2009; Коврыжко, 2010*). Однако в этой модели игнорируется динамика институтов и ее влияние на экономическое поведение.

Модернизация как процесс трансформации типа поведения экономических субъектов направлена на качественные прогрессивные изменения существующих институциональных форм, обновление технологических основ экономической системы, повышение ее конкурентоспособности. С этих позиций модернизация может быть определена как совокупность социальных и технологических преобразований, направленных на преодоление экономического отставания. В качестве ограничений осуществления модернизации выступают институциональная неразвитость, тиражирующая формирование гибридных неэффективных институциональных структур и соответствующей им среды; растущая социально-экономическая поляризация населения ввиду углубления как дифференциации населения по доходам, так и региональной асимметрии; действия групп специальных интересов; неэффективность государственного управления (административные барьеры развития предпринимательства).

Составной частью сложного процесса перехода от традиционного общества к современному (modernity) или индустриальному (хотя некоторые исследователи склонны характеризовать современное общество как постиндустриальное, или информационное) является экономическая модернизация, содержание которой

составляют изменения экономической системы как неотъемлемой составной части общего системного перехода (*Коврыжко, 2011*). Экономическая модернизация – это структурные, технологические и институциональные изменения в национальной экономике, направленные на повышение ее глобальной конкурентоспособности, которые включают в себя:

- системную модернизацию, представляющую собой обновление самих принципов функционирования национальных экономических порядков: совершенствование базовых принципов организации экономики, таких как развитие конкурентной среды, либерализация экономических процессов и поощрение частнопредпринимательской инициативы, дебюрократизация экономики и др.; разработка эффективного комплекса мероприятий по совершенствованию национальных экономик, в частности, диверсификация, повышение доли в ВВП отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, структурные преобразования. В рамках системной модернизации экономических отношений целесообразно выделить отдельное направление – структурную модернизацию, которая осуществлялась конкретными методами государственного регулирования, в частности, в области промышленной и инновационно-структурной политики. Это обуславливает задачи, связанные с оптимизацией структуры национальной экономики и ВВП, направленной на снижение сырьевой ориентации, увеличение доли прогрессивных (инновационных) отраслей. Участие государства может осуществляться различными методами – от настройки традиционных механизмов регулирования до внедрения относительно новых методов стимулирования развития рыночных институтов, а также использования инструментария государственного предпринимательства и повышения адаптации экономической системы к кризисным ситуациям за счет использования инновационных технологий;
- институциональную модернизацию, включающую два уровня реализации: структурная дифференциация (разделение) институтов экономического порядка – то есть формирование новых национальных институтов рыночной экономики, выполняющих строго определенную функцию и одновременно тесно взаимосвязанных и взаимодействующих между собой (например, институт государственно-частного партнерства), и развитие уже имеющихся институтов с повышением их доли в хозяйственном комплексе до уровня, адекватного современным условиям модернизации; деблокирование институциональных барьеров;
- технологическую и промышленную модернизацию производительных сил, которая включает повышение уровня технологического развития национальной экономики: развитие отраслей «новой экономики», обновление основных фондов в реальном секторе, снижение энерго- и материалоемкости ВВП, повышение производительности труда, оживление инвестиционной активности хозяйствующих субъектов.

Формирование фундамента постиндустриальной экономики часто осуществляется под знаменами модернизации. Однако модернизация экономики не есть что-то совершенно новое для современного этапа развития социальных порядков. Важным для понимания процесса модернизации как варианта институциональных изменений является тот факт, что модернизация не обязательно приводит к образованию эффективных институциональных структур. Более того, модернизация может привести к замене сравнительно эффективных институтов неэффективными. Этот тезис прекрасно иллюстрируют примеры из экономической истории (*Латов, 2004*).

Историческая проблема накопления и использования знания относится к временам промышленной революции. И, хотя в то время экономисты-современники не уделяли этому особого внимания, во второй половине XX столетия появилось множество работ, посвященных объяснению успехов промышленной революции через призму накопления и использования знаний (*Розенберг и Бирдцел мл., 1995*;

Rosenberg, 1990; Mokyr, 2000). Как справедливо отмечал К. Полањи, важнейшим интеллектуальным фактором промышленной революции являлись не технические изобретения, а социальные новшества; свой решающий вклад в развитие техники естественные науки внесли лишь по прошествии целого столетия, когда промышленная революция уже завершилась (*Полањи, 2002*). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что прогресс в создании и использовании полезного знания в экономике во многом зависит от качества институциональной структуры хозяйственного порядка.

Возникает резонный вопрос, что может дать экономическая наука для объяснения современных тенденций постиндустриального общества и разработки мер экономической политики, ведущей к процветанию? Традиционные неоклассические рецепты в реалиях национальных институциональных особенностей экономик могут оказаться лекарством с негативными побочными последствиями (*Стиглиц, 1999; 2003*). Более того, негативные последствия могут значительно превышать позитивный эффект.

Логика институциональных изменений детально проработана в работах одного из основателей институционального направления экономической теории Т. Веблена (*Веблен, 1984; 2007*). Процесс социальных изменений или эволюция, по Веблену, - это продукт комплексных процессов, в результате которых человеческие мысли и поведение «через адаптацию к изменяющимся социальным условиям» - преобразуют институциональную основу для дальнейшей селекции. Таким образом, институты появляются в результате селекционных и адаптационных процессов. Состояние института на момент времени t является результатом отбора институтов в момент времени t_0 и причиной изменения института в момент времени t_1 . Изменение институтов в традиции Веблена - это, прежде всего, процесс трансформации поведенческих паттернов. Поведение акторов, в свою очередь, определяется эволюционно сложившимися санкционированными обществом (коллективным действием) правилами и базируется на доминирующих социальных ценностях.

Модернизация как процесс формирования новой институциональной системы общества может противопоставляться традиционализму. Однако традиционализм в некоторых случаях может восприниматься как форма модернизации общества. Поэтому тип модернизации во многом зависит от качества тех институтов, которые являются ее целью и результатом. Наряду с институтами большое значение играют социальные ценности, на которые ориентируются иницилирующие модернизацию группы интересов.

3. Технологическая и институциональная модернизация

Модернизация часто ассоциируется с технологическими изменениями, которые существенно влияют на производительность и, следовательно, на степень развития хозяйственного порядка. Более того, акцент на технологиях, как движущей силе модернизационных процессов, позволяет уйти от детального анализа политических институтов в контексте дискурса: авторитаризм (тоталитаризм) – демократия.

Безусловно, технологии играют очень важную роль в повышении производительности в экономике, однако развитие технологий тесно связано с эволюцией организационных форм, а также сопутствующих институтов и механизмов регулирования. Действительно, детально анализируя институты и технологии, мы можем найти у них общий ключевой момент: в основе их лежат определенные правила. В случае технологий правила определяют последовательности и условия физических или виртуальных технологических процессов, а в случае институтов правила структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми (*Норт, 1993*). Поскольку институты можно считать сходными по своей природе с физическими технологиями, следовательно, они могут быть идентифицированы как социальные технологии. Как отметил в своей статье Р. Нельсон, современная эволюционная теория требует объединения исследований

физических и социальных технологий в рамках одной синтетической теории (*Nelson, 2002*). Понятие институтов как общественных технологий хорошо вписывается в эволюционную теорию экономического развития. Однако следует отметить, что между современными эволюционными экономистами, исследующими технологические изменения, и современными экономистами, которые изменили роль институтов в экономическом развитии, произошел незначительный обмен идеями (*Nelson, 2002*).

Для понимания закономерностей модернизации важно учитывать исторические закономерности развития технологий рынков и институтов. Например, Н. Розенберг и Л. Бирдцелл связывают экономическое развитие в новом времени, прежде всего, с развитием института частной собственности: «Некоторые институциональные инновации служили сокращению торгового риска, как политического, так и коммерческого. В числе таковых были: правовая система, рассчитанная на принятие недискреционных, а значит, предсказуемых решений; переводные векселя, облегчавшие перевод денег и предоставление кредита, необходимого для коммерческих сделок; рост страхового рынка; замена произвольных конфискаций систематическим налогообложением – и каждая из этих инноваций была тесно связана с развитием институтов частной собственности» (*Розенберг и Бирдцелл-мл., 1995. С. 20*). Подобная точка зрения, увязывающая на развитие с формированием институтов, благоприятствующих обменам, довольно широко распространена в современной экономической литературе (*Кларк, 2012*).

Для понимания процессов взаимовлияния эволюции институтов и технологий на экономическое развитие необходимо более подробно рассмотреть влияние коллективных действий на структурирование повторяющихся взаимодействий между людьми. Ключевым здесь является вопрос, что запускает кумулятивный механизм формирования институтов, способствующих расширению обменов, технологическим инновациям, научным исследованиям и росту благосостояния.

Коллективные действия как источник правил рассматриваются в современной экономической теории в двух традициях: Дж. Коммонса и М. Олсона. Подход М. Олсона, прежде всего, основывается на технических аспектах коллективных действий в малых и больших группах (*Олсон, 1995a*). Группы, согласно данному подходу, производят коллективное благо с разной степенью эффективности в зависимости от своего размера, избирательных стимулов и действия эффекта безбилетника. К коллективному благу также можно отнести институциональные инновации, позволяющие группе извлекать выгоду, чаще всего связанную с получением ренты или перераспределением. Однако могут существовать и группы со всеохватывающими интересами, действия которых продуктивны и связаны с институтами, способствующими росту благосостояния всех индивидов, в рамках того или иного хозяйственного порядка (*Olson, 1995*). И хотя подход Олсона отличается хорошо проработанной формальной частью, связанной с проблемой максимизации коллективного блага группой интересов, он не позволяет дать релевантное объяснение причинам формирования групп со всеохватывающими интересами и, самое главное, не учитывает качественных характеристик формируемых институтов, которые являются продуктом коллективных действий.

Подход Коммонса основан на правовом понимании сути коллективных действий. Институты являются как источником, так и результатом коллективных действий и формируют пространство, в котором становится возможным осуществление трансакций. Причем само понятие трансакций охватывает все пространство экономических взаимодействий от рыночных обменов до государственного нормирования (*Коммонс, 2012*). Понимание особенностей коллективных действий в том или ином хозяйственном порядке зависит от доминирующей правовой системы и механизмов правоприменения. Важнейшим институтом, связанным с коллективным действием, у Коммонса также является институт собственности.

Поскольку экономические блага ограничены, их приобретение регулируется коллективным действием. Коллективное действие создает права и обязанности в отношении собственности и свобод, без которых в обществе царил бы анархия. Институциональная экономика дает коллективному действию собственное место в разрешении конфликтов и сохранении порядка в мире ограниченных ресурсов, частной собственности и противоречий (Commons, 1990).

Институциональный подход к собственности позволил пойти дальше от анализа распределения ограниченных ресурсов - к анализу действующих правил, определяющих возможности и параметры сделок. Согласно Коммонсу: «...изменения от механицизма к ограниченности ресурсов, а затем - к действующим нормам, рассматриваемым в качестве базовых принципов экономики, оказали сильнейшее влияние на концепцию собственности, изменяя эту концепцию от принципа исключительного владения физическим объектом для частного использования самим владельцем в принцип контроля над ограниченными ресурсами, в которых нуждаются другие для того, чтобы использовать их в своих интересах, и, таким образом, в концепцию нематериальной и невещественной собственности, возникающей исключительно на основании положений закона, контролирующего сделки» (Коммонс, 2011).

Таким образом, институт собственности в традиции Коммонса неразрывно связан с действующими нормами¹ (working rules), существующими в хозяйственном порядке. В старой институциональной экономике понятие действующих норм является центральным для понимания экономических взаимодействий, которые могут быть сведены к трем видам транзакций: торга, управления и нормирования (рационализации) (Коммонс, 2012). «Характеристикой всех действующих норм является то, что они действительно регулируют те аспекты человеческого поведения, которые могут получать имена прав и свобод. Действующие нормы (правила) просто сообщают, что индивиды должны или не должны делать, что им позволено делать, а также что они могут или не могут делать, если властные органы, разрешающие споры, употребляют коллективную власть сообщества в отношении указанных индивидов» (Коммонс, 2011).

Коммонс утверждал, что трактовка собственности в экономической науке должна базироваться на правотворчестве и правоприменении относительно разрешения хозяйственных споров в рамках существующей правовой системы². Решения судов изменяют действующие правила, и, следовательно, это необходимо учитывать, рассматривая эволюцию института собственности в современном капиталистическом хозяйственном порядке.

Необходимо отметить, что существование и эффективное функционирование института собственности у Коммонса связывается с действием «видимой руки государства». Властные структуры должны использовать действующие нормы (правила) для поощрения кооперации в производстве и обмене, а также в решении множества серьезных проблем, возникших вследствие погони за собственной выгодой в результате экономических взаимодействий. Согласно Коммонсу, эти функции не возникают автоматически согласно «системе естественных свобод» Смита, но должны порождаться соответствующими стимулами, созданными «видимой рукой государства», и приводиться в жизнь с помощью различных санкций, включая угрозу физического насилия (Commons, 1990).

В трактовке собственности у Коммонса ключевое значение принадлежит отождествлению понятий собственности и свободы: «Переход от права собственности на потребительные ценности вещей к праву собственности на их меновые ценности есть изменение от физических вещей к действующему предприятию, и наиболее важным здесь является тот факт, что он объединяет собственность и свободу в некоем тождественном понятии. Собственность обозначает все то, что может быть продано или куплено, а поскольку свобода человека может быть продана или куплена, то она является активом и, соответственно, свобода есть

¹ Как синоним используется также понятие «действующие правила».

² В случае Коммонса это общее право (common law).

собственность» (Коммонс, 2011).

Институт собственности в старом институционализме трактуется в поведенческом контексте, причем именно собственность определяет будущее поведение, и, следовательно, от ее соответствия существующим проблемам развития хозяйственного порядка зависит эффективность деятельности основных экономических акторов.

Создание современного эффективного хозяйственного порядка основывается, прежде всего, в институциональном аспекте на формировании условий и механизмов функционирования института собственности. Модернизация институтов при доминировании неэффективных институтов, например, власти-собственности, представляется невозможной в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Технологическая готовность определяет восприимчивость экономики к новым технологиям, ее способность к адаптации, то есть уровень компетенции. Это характеризуется такими позициями, как наличие новейших технологий; степень технологической устойчивости; наличие законов, связанных с информационно-коммуникационными технологиями; активность технологических трансфертов; количество абонентов мобильных телефонов; распространенность Интернета; количество персональных компьютеров и т.д. Данный индикатор приобрел решающее значение в последнее время, когда главным условием эффективного развития любой экономики становится технологический капитал.

Для определения степени инновационности экономики, связанной с возможностью страны создавать нововведения, применяются такие параметры, как способность к инновациям; качество научно-исследовательских институтов; расходы компаний на исследования и разработки; сотрудничество бизнеса и образования в области научных исследований; правительственные расходы на высокотехнологичную продукцию; наличие ученых и инженеров; полезные патенты.

В общем виде технологическая готовность и инновационность формируются в контексте основного технологического назначения (GPT – General Purpose Technology) и характеризуют интенсивность распространения пятого технологического уклада, связанного с информационно-коммуникационными технологиями. В данном случае не имеет принципиального значения, создает ли экономика новые технологии самостоятельно или покупает их, – важен уровень ее технологической восприимчивости.

Процессы модернизации хозяйственных порядков связаны с таким важнейшим феноменом, имеющим отношение как к технологиям, так и к институтам, – возрастающей отдачей. Одним из проявлений возрастающей отдачи могут служить «технологии широкого применения». По мнению В. Полтеровича, основным императивом смены технологических укладов с позиции «технологической» теории экономического развития (Й. Шумпетер, Н. Кондратьев, С. Кузнец) (Шумпетер, 1982; Кондратьев, 1989. С. 58; Кузнец, 1972) является смена технологии широкого применения (ТШП) (Полтерович, 2009), выступающей основным двигателем экономического роста. Институты также, структурируя повторяющиеся взаимодействия между людьми, могут демонстрировать возрастающую отдачу (Бережной и Вольчик, 2008). Возрастающая отдача при определенных условиях может приводить к возникновению эффекта блокировки (lock in), благодаря которому технологии и институты могут доминировать в социальном порядке независимо от их сравнительной эффективности в других порядках.

4. Модели модернизации

Ранними примерами модернизаций могут служить советская и японская (позже восточноевропейская) модели. В рамках советской догоняющей модернизации предполагалось преодоление отставания от развитых стран путем перехода к плановой модели хозяйствования, индустриализации за счет крестьянства, тоталитарного политического режима. Первоначально советская модель показывала улучшение социально-экономических показателей: рост производства, низкий уровень безработицы и т.д., – и многие страны пытались ее

реализовать. Однако впоследствии проявились признаки несостоятельности и ущербности этой модели, что обусловило необходимость рыночной трансформации социалистической экономики.

Японская модель составила альтернативу советской – рыночные механизмы с сильным влиянием государства и использованием традиционных социальных структур в массовом индустриальном производстве. Эта модель была тиражирована другими странами Восточной Азии – Тайванем, Южной Кореей, Гонконгом, Сингапуром, Малайзией, Таиландом. Основным двигателем развития в этих странах являлись чеболи (в Японии – дзайбацу)³, южнокорейские формы бизнес-конгломератов или торгово-промышленных групп, дешевая качественная рабочая сила, способность воспринимать и воспроизводить заимствованные технологии, массированный экспорт на открытые рынки стран-конкурентов.

Азиатская и восточноевропейская модели модернизации отличаются набором инструментов государственной политики, на основе которых выделяются следующие необходимые условия модернизации в рамках сложившейся «автономной» азиатской модели модернизации:

1. Радикальный промышленный прорыв на основе разработки четкого государственного плана преобразований, базирующегося на заимствовании опыта успешно индустриализировавшихся стран и использовании в качестве источника средств для развития производства конкурентоспособной конечной продукции сырьевого сектора (включая металлургию). Экспортная экспансия энергоносителей осуществляется за счет экономии, обеспеченной снижением энергоемкости производства с введением в действие требований к качеству топлива.

2. Налоговые реформы, нацеленные на государственную поддержку вновь создаваемых предприятий, отказ от любых налогов (за исключением ЕСН) на срок 5-7 лет после их вступления в строй, введение компенсации части тарифов на подключение к энергетическим сетям и иных затрат на обустройство инфраструктуры.

3. Наряду с формированием этих предпосылок в промышленности и финансовом секторе, преодолением сырьевой зависимости, необходимым условием модернизации выступают массированные государственные инвестиции в развитие инфраструктуры (например, почти половина всех российских железных дорог была построена до 1914 г.).

В одних странах модернизация опиралась на мощный государственный сектор экономики (Сингапур, Тайвань, Индонезия), привлекая прямые иностранные инвестиции, в других – мотором развития был частный сектор, хотя и действующий под жестким государственным контролем, используя главным образом внутренние резервы и отчасти – заемные средства (Южная Корея).

Общей предпосылкой моделей модернизации выступает адекватное понимание внутренних и внешних угроз, курс на укрепление внутренней стабильности. Приоритетную роль в ускоренном развитии азиатских государств, как и Японии (в Китае – общество «малого благоденствия»), играло государство развития – мобилизационный настрой и отказ от сиюминутной выгоды с нацеленностью на стратегические успехи. Более того, успех восточноазиатских модернизаций был сопряжен с процессами и экспортом в западные страны, что необходимо учитывать при переносе данной модели модернизации на Россию, у которой экспортная экспансия ограничена экспортом сырья и некоторых видов оружия в некоторые страны. Главным инструментом азиатских стран была промышленная политика с ведущей ролью государства. Однако в странах Латинской Америки модернизация была авторитарной (импортозамещающая индустриализация) – трехфазовая импортозамещающая политика – от легкой к тяжелой промышленности и развитию обрабатывающих производств, далее к модели ассоциировано-зависимого развития (союз импортозамещающего государственного сектора и ТНК) (Красильщиков, 2009).

Вторая (восточноевропейская) модель отличается принятием и введением в

³ Группа формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем.

действие (постепенно, но не избирательно) общеевропейского свода законов (*acquis communautaire*). Этот опыт мог бы стать радикальным инструментом преобразования российской экономики, обеспечивая повышение открытости рынков товаров и капитала. Достаточно принять европейское законодательство, открыть (на взаимной основе) свои рынки для европейских товаров через договор о свободной торговле и установить единые правила защиты иностранных инвестиций (например, как в Турции, нарастившей промышленное производство в 7,4 раза за последние 25 лет и увеличившей прямые иностранные инвестиции в 14 раз с 1993 г.) (*Иноземцев, 2009*). Взаимовыгодность союза России и Европы обусловлена тем, что Россия может предоставить Европе ресурсы, рынки и квалифицированную рабочую силу, а Европа России – капитал и технологии.

Однако, несмотря на фундаментальные различия в характере и инструментах модернизаций, для всех моделей, как правило, характерно заимствование технологий: ни одна модернизация не опиралась на развитый отечественный технологический сектор; напротив, все они основывались на заимствованных производственных технологиях (Китай, Япония). Развитие человеческого потенциала, подъем образования и науки были не предпосылкой, а следствием успешных модернизаций и пришлось на их заключительные, а не на начальные этапы (этап развития после технологической границы за счет инноваций).

У развивающейся страны есть только одно конкурентное преимущество перед развитыми экономиками – «преимущество отсталости» (*Полтерович*): возможность заимствования уже созданных институтов, методов управления и технологий производства. Это не исключает возможность инноваций по отдельным направлениям, однако, заимствование менее затратно. Технологически отставшая страна может использовать свое «преимущество» во всех отраслях, осуществив тем самым широкомасштабную модернизацию. При этом институциональные подсистемы, ответственные за собственно инновационное развитие, на первых этапах должны играть меньшую роль. Таким образом, именно задачу заимствования следует положить в основу догоняющей стратегии. Например, Япония начала делать ставку на инновации только в 1980-е годы, когда по уровню душевого ВВП она сравнялась с европейскими странами (*Полтерович*). До этого она развивалась за счет заимствования западных технологий. В Китае с конца 1970-х гг. политическое руководство осознало необходимость заимствования иностранной техники и опыта для модернизации – «для преодоления своей отсталости на современном этапе и в будущем для достижения передового мирового уровня» (*Пивоварова, 2008*). Широкомасштабное заимствование требует тщательной координации усилий различных экономических агентов, высокоразвитой науки и специальных институтов. Институты заимствования – важнейшая часть системы интерактивного управления ростом («интерактивной модернизации»). Преждевременная ориентация на «инновационное развитие» вызывает ассоциации с политикой «большого скачка» и может привести к неэффективному использованию, распылению ресурсов.

Однако догоняющее развитие на основе заимствования технологий ограничено технологической границей, приближение к которой в экономиках названных стран тестируется по ряду кризисных явлений, требующих другого качества институтов – судебной и финансовой систем, деловых услуг, включая юридические и консалтинговые, гибких форм занятости и т.д. Как показывает зарубежный опыт, страны, которые подошли к технологической границе, не перестроив свои институты, переживают глубокий кризис. Примером является Япония, специфические институты которой – пожизненный наем работников, финансово-промышленные группы, государственная промышленная политика – эффективно функционировали на этапе догоняющего развития, но не смогли обеспечить экономического роста в период перехода к технологической границе. Япония попала в «институциональную ловушку», и в 1990-е годы это привело к более чем 10-летнему кризису на фоне достаточно быстрого развития мировой экономики (*Acemoglu, Aghion and Zilibotti, 2004*).

Особенности институциональной структуры экономики, а также состояние

институциональной среды общества оказывают непосредственное влияние на потенциальные возможности модернизации. Так, западные страны с рыночной экономикой обладают развитой институциональной структурой в соответствии с доминирующим способом экономической координации. В странах с неразвитыми рыночными отношениями или с переходной экономикой ситуация противоположна. Рыночные институты здесь находятся в стадии формирования, а некоторые из них отсутствуют вовсе. Институциональная структура таких стран включает институты, характерные не только для рыночного порядка, поэтому различные способы экономической координации часто вступают между собой в конфликт. Эффективность таких экономик значительно ниже развитой рыночной и даже централизованно управляемой системы.

Мобилизационный характер российской экономики отразился на процессе формирования институтов, которые препятствуют модернизации. Примером такого института может служить институт власти-собственности. Институт власти-собственности показывает свою относительную эффективность в периоды мобилизационного, *нестабильного* (Прохоров, 2003) развития общества, ведения войн и расширения территории государства. Однако в более спокойные периоды функционирование института власти-собственности не приводит к формированию стимулов к накоплению и инвестированию в объекты собственности, которые возникают при абсолютной индивидуализированной собственности. В отличие от власти-собственности, формирование института индивидуализированной собственности является предпосылкой становления эффективной рыночной экономики (Бережной и Вольчик, 2008).

5. Процессы и механизмы, препятствующие модернизации

В контексте настоящей работы нас интересует вопрос, какие механизмы замедляют процессы изменения институтов и технологий в процессе реализации государственной политики по модернизации хозяйственного порядка? Возможности реализации мер экономической политики зависят от понимания фундаментальных закономерностей экономической эволюции.

Традиционно в рамках оригинального (старого) институционализма проблема экономического развития рассматривается в контексте дихотомии Веблена-Эйрса и доминирующих социальных ценностей. Институты и социальные ценности взаимозависимы, оказывая значительное влияние на формирование поведенческих паттернов у основных экономических акторов. Рассматриваются социальные ценности двух типов: церемониальные и инструментальные. Церемониальные ценности основаны на отношениях власти, привилегиях, определении статуса в обществе в контексте социальных классов и страт. Инструментальные ценности, напротив, основываются на инстинкте мастерства, создаются и прививаются населению через продуманную социальную политику, через расширение запаса знаний и образование, что необходимо для текущих проблем общества (Bush, 1987).

Церемониальные ценности имеют доминантный характер. В условиях эволюции человеческого общества с доисторических времен доминирование церемониальных ценностей отражалось в развитии религиозных культов, магии, суеверий, которые коренятся в невежестве и детерминируют формирование институциональных препятствий для технологических изменений. Современные антропологические и археологические исследования показывают, что склонность к доминированию церемониальных ценностей наблюдалась на протяжении всей истории человечества (Pluta, 2012). И только незначительное историческое время (начиная с эпохи просвещения) эта тенденция в некоторых социальных порядках стала преодолеваться благодаря институциональным мутациям, которые в последствии привели к формированию основ порядка открытого доступа (Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011).

Важными факторами, создающими почву для доминирования церемониальных ценностей, являются религиозность и секуляризация.

Религиозность, хотя и с некоторыми исключениями, основана на формировании поведенческих паттернов, основанных на церемониальных ценностях (*Bush, 1987*). И хотя в экономической и социологической литературе часто анализируется взаимосвязь между религиозной этикой и развитием предпринимательства (*Расков, 2012, Вебер, 1990*), такая взаимосвязь сильнее связана с феноменом религиозных и национальных меньшинств (*Будон, 1998*).

Например, старообрядчество в России было не просто религиозным феноменом, способствующим внедрению инноваций, а скорее его успех был связан с ценностями, имеющими не церемониально-религиозный, а инструментальный характер: «В период, когда безличные рыночные институты еще не были созданы, именно в среде приверженцев старой веры получает поддержку тот тип организации и управления, который помогает в использовании новых форм предпринимательства и промышленных технологий (прежде всего в текстильной промышленности). Стечение ряда обстоятельств способствует тому, что высокий уровень грамотности, дисциплина, методичность и умение воспроизводить сложный комплекс средневековой православной традиции в богослужении и бытовой жизни (вместе с постоянной внешней угрозой преследования) приводят к тому, что сфера экономики вынужденно становится объектом приложения сверхусилий. Экономическая общность старообрядцев налаживает торговые связи, выдвигает из своей среды наиболее талантливых предпринимателей, дает возможности по кредитованию и страхованию, помогает в вопросах первоначального накопления капитала и информационного обеспечения. Трудолюбие, бережливость и взаимопомощь ведут к быстрому накоплению и умножению богатства» (*Расков, 2012. С. 265*).

Современная эволюция хозяйственных порядков отражает тенденцию все большей секуляризации. За редкими исключениями страны с низким индексом религиозности характеризуются лучшими экономическими показателями (см. рис. 1).

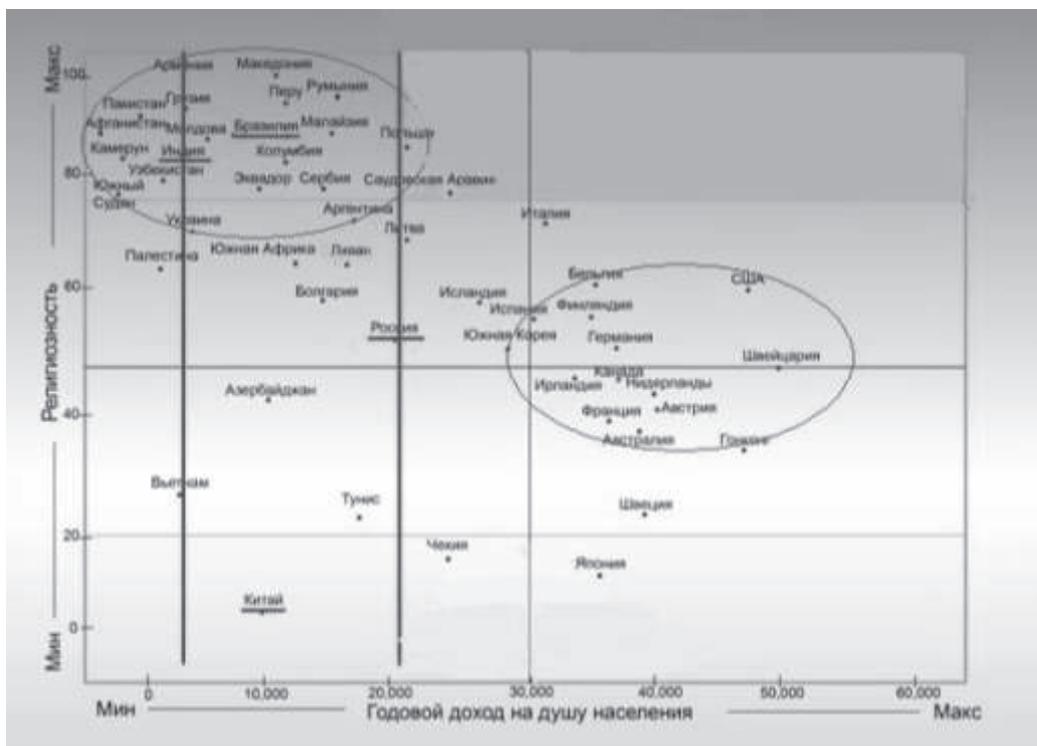

Рис. 1. Корреляция индекса религиозности и уровня национального дохода на душу населения (Мир становится менее религиозным)

Источник: Ассоциация Gallup International/WIN, январь 2012.

Модернизация и религия могут рассматриваться еще в контексте конкуренции различных религиозных течений, ни одно из которых не может быть

доминирующим в обществе. Религиозность и сопутствующее им доминирование церемониальных ценностей чаще всего препятствуют экономическому развитию в случае сращивания религиозных организаций с государством и с государственной идеологией. Например, успешная модернизация в Южной Корее проводилась в условиях, когда в обществе не существовало ни одной доминирующей религии. Более того, конкуренция религиозных организаций способствовала импорту институтов, способствующих модернизации в ее западном понимании. Например, после второй мировой войны «...тенденцией вестернизации южнокорейской культуры стало массовое обращение в протестантизм, к которому политическая и бизнес-элита относились благосклонно, воспринимая нетрадиционную для страны религию как носитель рациональных и прогрессивных ценностей, паттернов, институтов» (Иванов, 2012. С. 76).

В современных исследованиях модернизации хозяйственных порядков одним из ключевых условий модернизации выделяется консенсус элит по поводу основных принципов развития (Аузан, 2012. С. 67-69). Достижение национального консенсуса в ходе модернизации, безусловно, иллюстрирует важную теоретическую конструкцию, основанную на идее общественного договора. И ключевая роль в таких процессах принадлежит развитым социальным сетям (Аузан, 2012. С. 67-69) или качественному социальному капиталу, который в свою очередь формируется в условиях перехода от естественного государства к порядку открытого доступа (Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011). Но в реальных условиях развития политических процессов в развивающихся странах такая схема представляет собой скорее исключение, чем правило.

Проблема целенаправленных изменений в фундаментальных основаниях хозяйственного порядка должна рассматриваться в контексте дихотомии необходимой экономической политики и существующих институтов. Ключом к пониманию целенаправленной (авторитарной) модернизации может служить релевантное понимание властных отношений с позиций качественного анализа имеющегося политического дискурса и институтов.

Танг классифицировал подходы к институциональным изменениям по критерию значимости исследований власти и конфликта интересов: подход с точки зрения гармонии (неоклассический, неоинституциональный, австрийская школа) и подход с точки зрения конфликта (оригинальный институционализм, экономическая социология) (Tang, 2011). Именно подход с точки зрения конфликта акцентирует внимание на проблеме власти и коллективных действиях групп интересов при исследовании институциональных изменений (см. рис. 2).

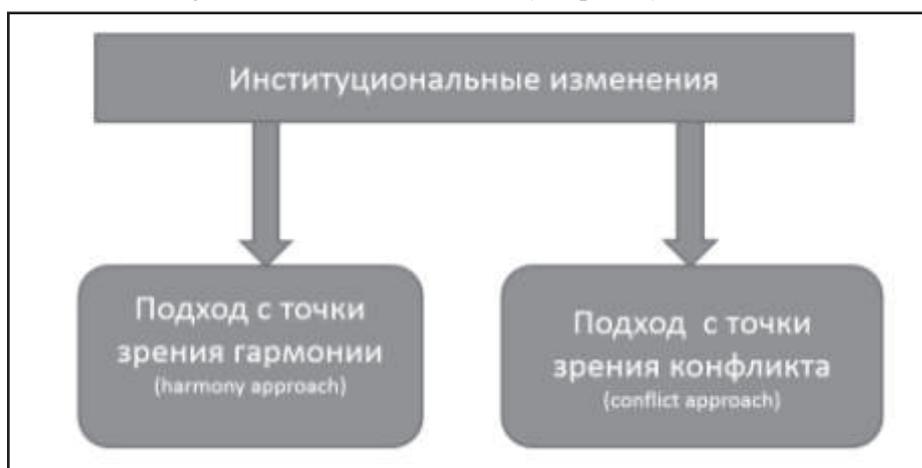

Рис. 2. Попытки создания общей теории институциональных изменений

Источник: (Tang, 2011).

В хозяйственных порядках эволюционно формируются устойчивые группы интересов, которые заинтересованы в создании и сохранении институтов, которые

создают барьеры для развития рыночных механизмов, формирующих устойчивые стимулы для технологической модернизации. Например, доминирование групп интересов, ориентирующихся на получение и перераспределение сырьевой ренты, определяет невосприимчивость к инновациям в рамках российского хозяйственного порядка, что обуславливает проблемы технологической модернизации, к которым относятся

- низкая технологическая и экономическая эффективность традиционной промышленности;
- предпочтение вложений в овестьвленные технологии (машины, оборудование, по большей части импортные) перед нематериальными (патенты, результаты научных исследований);
- низкая инновационная активность и восприимчивость российского бизнеса к новым технологиям;
- несоответствие высокого уровня исследовательского потенциала низкому уровню прикладных разработок;
- неразвитость инновационной инфраструктуры в части институционализации и коммерциализации передовых технологий и др.

6. Экономическая политика и модернизация

Исследования институциональных изменений и модернизации, как частного случая, должны в явной форме затрагивать проблему экономической политики (*Acemoglu and Robinson, 2013*) и реализации власти в рамках конкретных специфических хозяйственных порядков (*Дементьев, 2012*).

Политика вообще и экономическая политика, в частности, относится к типу властных отношений, которые реализуются в механизмах регулирования. Однако пространство для выбора возможных механизмов регулирования формируется на базе фундаментальных социальных ценностей, определяющих возникновение тех правил, которые, эволюционируя, составляют довольно инертную (*Вольчик и Скорев, 2003*) социальную систему хозяйственного порядка.

Исследования экономической политики в терминах равновесия на политических рынках неизбежно будут сводиться к известным общим моделям социальных изменений, которые имеют не больше практической пользы, чем дилемма заключенного в теории игр. Для определения возможностей и направленности конкретных мер экономической политики мы должны, прежде всего, четко представлять отправную точку для желаемых изменений.

Поэтому исследования проблемы власти и особенностей проводимой политики, направленной на модернизацию хозяйственного порядка, должны начинаться с идентификации существующих институтов. Существующие институты желательно рассматривать не как статично существующие правила и механизмы инфорсменты, а на основании исторических фактов проследить их эволюцию и изоморфизм в зависимости от конкретных экзогенных и эндогенных факторов. И здесь может пригодиться значительный багаж знаний, накопленных в рамках социальной антропологии по исследованию культур и этических систем специфических обществ. Также необходимо принимать во внимание взаимосвязь между эволюцией правовой системы и этических оснований в контексте доминирующих социальных ценностей.

В процессе эволюции хозяйственных порядков изменяется не только институциональная система, но также и используемые технологии. Использование новых технологий в течение последних ста лет значительно повлияло на увеличение производительности и сократило время, необходимое для производства необходимых для жизни благ. Современные наукоемкие технологии явились причиной формирования довольно значительного количества предприятий, характеризующихся возрастающей отдачей. Развитые страны в полной мере используют преимущества передовых технологий для своего экономического развития (*Райнерт, 2003*).

Однако время, которое в обществе считается нормальным (необходимым) для получения образования, значительно увеличилось. Средняя ожидаемая продолжительность обучения (показатель, учитывающий количество обучающихся, охват образования и продолжительность программы обучения) имеет тенденцию к росту (с введением 11-летней системы среднего образования).

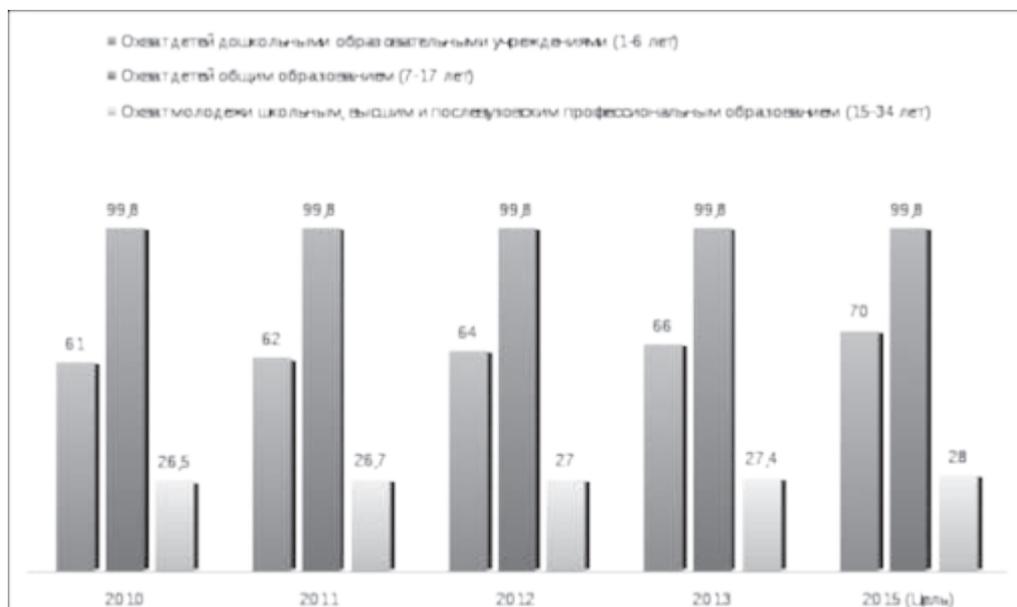

Рис. 3. Распределение обучающихся по уровню образования

Источник: Образованных людей в России все больше - расходы все ниже. (http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/09/120910_education_oecd_report_russia.shtml).

Расходы на образование в развитых и развивающихся странах составляют значительную часть бюджетных ассигнований. Расходы на образование в России составляют 5,5% ВВП по сравнению с 6,3% в среднем по странам ОЭСР (в основном это страны Евросоюза)⁴. При этом только 43% всех расходов на образование в России расходуется на начальное, среднее и среднее специальное образование. Это самое низкое соотношение, как среди стран ОЭСР, так и среди стран G20.

Более того, расходы на образование являются важным фактором его развития как в качественном, так и количественном аспектах. Высшее образование перестало быть чем-то исключительным и охватывает большинство выпускников средней школы (см. рис. 4). Распространение образования позволяет формироваться и закрепляться в обществе инструментальным ценностям. И хотя церемониальные ценности имеют доминантный характер, в условиях роста объемов и качества образования возможно их вытеснение в маргинальные (отдельные) сферы социальной жизни.

В условиях модернизации экономики именно развитию образования принадлежит роль драйвера, который формирует социальную инфраструктуру для экономического развития. И здесь большое значение принадлежит формированию институциональной системы, позволяющей транслировать в обществе правила, способствующие инструментальным ценностям.

В современном мире модернизация социальных порядков сталкивается с серьезными препятствиями со стороны групп специальных интересов, которые определяют консервативную политику во многих развивающихся странах. Консерватизм, который апеллирует к возрождению или сохранению архаичных статусов, магических культов, неизменных структур управления, основывается на церемониальных ценностях и соответствующих поведенческих статусах.

⁴ См.: Образованных людей в России все больше - расходы все ниже. (http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/09/120910_education_oecd_report_russia.shtml).

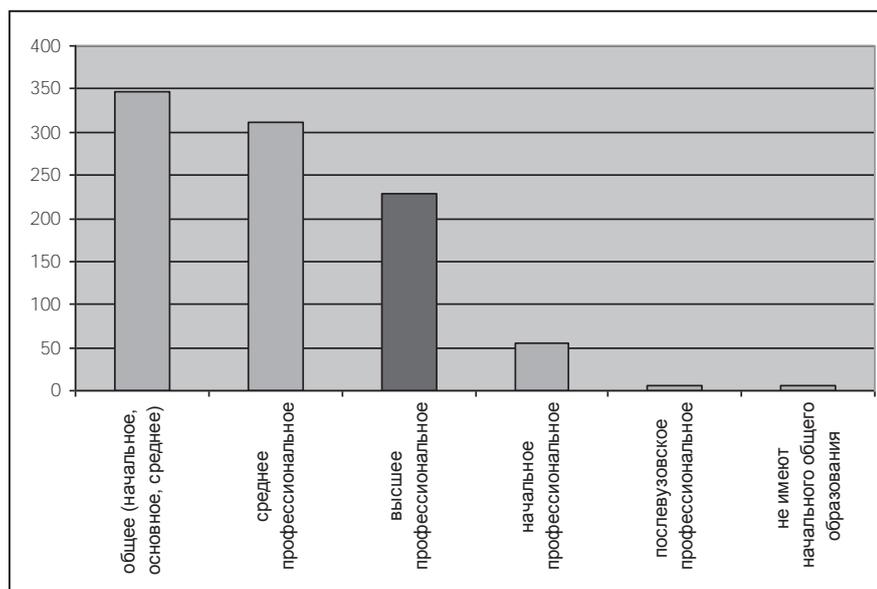

Рис. 4. Уровень образования на 1000 человек по РФ

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели / Образование. М.: Росстат, 2012, с. 234-235.

История дает примеры, когда сопротивление процессам модернизации, которые становятся своеобразным «мейнстримом» в социальном развитии приводят к разрушению социальных порядков. Такие процессы сопротивления модернизации могут быть связаны с социальным склерозом (Олсон, 1995б), зависимостью от предшествующей траектории развития (David, 1985), институциональной инерцией (Вольчик и Скорев, 2003) и другими феноменами, которые традиционно широко исследуются. Степень сопротивления и разрушения старой системы, характеризующейся наличием групп специальных интересов, и приведение ее к так называемому состоянию «видимой» или «поверхностной» трансформации, когда система не будет достаточно разрушена, а только лишь приспособляется к изменяющимся условиям, что с большей долей вероятности предполагает ее дальнейшее развитие в неэффективном направлении. Так, например, произошедшие в XIX веке революционные преобразования в Латинской Америке, с одной стороны, обеспечили ее независимость от Испании и Португалии, но при этом элиты, составляющие группы специальных интересов, не были разрушены и остались прежними. Напротив, они лишь укрепили свое влияние во вновь созданных национальных государствах, что детерминировало формирование современных сравнительно неэффективных и плохо поддающихся реформированию меркантилистских экономик (Coto, 1995). С другой стороны, революция Мэйдзи в Японии в XIX в. привела к полному разрушению прежних элит: был упразднен сегунат, самураи потеряли свой прежний статус. Разрушение старых элит способствовало бурному росту новых, причем этот процесс сопровождался интенсивным импортом европейских институтов и технологий, что создало в дальнейшем базу для «японского экономического чуда» (Вольчик, 2004. С. 191). В частности, это относится и к такой важной для модернизации сферы, как образование (Вольчик, 2004. С. 191).

С другой стороны, сложность рыночно-трансформационных преобразований в России детерминирована особенностями советского периода российской истории и феноменом path dependence (зависимость от предшествующей траектории развития)⁵, который акцентирует внимание на значимости учета исторических событий в

⁵ Экономическая, социальная зависимость от первоначально выбранного пути, «зависимость от пути», «эффект колеи» (зависимость будущего развития от выбранных ранее стандартов или правил; например, если сразу начать строить узкоколейные железные дороги, то потом будет очень сложно перейти на широкую колею, даже если станет очевидной ее более высокая эффективность; термин введен в середине 1980-х гг. П. Дэвидом).

экономическом анализе. В том случае, если неэффективные или субоптимальные институты будут характеризоваться возрастающей отдачей, они могут быть замкнуты на определенной траектории развития.

Завершение процесса перехода к рынку определяется невозможностью возвращения к исходному состоянию (экономический переход заканчивается, когда достигается необратимость произошедших перемен). Поэтому механизмы построения рыночных отношений во многом предопределяются процессами, происходящими на более ранних этапах перехода от административно-плановой системы к рыночной, в частности, институтами, возникающими в этот период, спецификой взаимоотношений между бизнесом, государством и обществом.

Для понимания препятствий модернизации требуют более пристального внимания политические процессы в контексте качественных исследований дискурсов и институтов, навязываемых доминирующими элитами. Получение ренты – мотив очень устойчивый, но он не является единственным для элит.

Элиты, представляющие устойчивые узкие группы специальных интересов, для своей устойчивости вынуждены реплицировать избирательные стимулы (*Олсон, 1998*). Действия групп специальных интересов (избирательные стимулы) могут по-разному воздействовать на экономические и социальные показатели развития хозяйственного порядка. Самым очевидным следствием действий групп специальных интересов является перераспределение национального дохода. Перераспределение, рентоориентированное поведение не только замедляет экономическое развитие, но оно формирует через повторяющиеся социальные взаимодействия устойчивые поведенческие паттерны в обществе.

Формирование институтов, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми, зависит, кроме доминирующих социальных ценностей, еще от сформировавшихся (иногда вследствие случайных исторических событий) механизмов создания формальных институтов их репликации и правоприменения. Коллективное действие создает действующие правила и права собственности, но эффективность и успешность структурирования повторяющихся взаимодействий (во всех видах трансакций) зависит от гибкости системы и ее возможности изменяться в соответствии с экономическими и технологическими вызовами исторического процесса.

Внедрение институциональных инноваций, направленных на модернизацию экономики, зависит от применяемой экономической политики, которая может влиять на политическую организацию и степень влияния различных групп специальных интересов (*Acemoglu and Robinson, 2013*). Группы специальных интересов, получающие в ходе реформ сравнительные преимущества перед конкурентами, могут запустить механизм ухудшающего отбора институтов (*Белокрылова, Вольчик и Мурадов, 2000*). Неудачи постсоветской модернизации экономики во многом объясняются продолжающимся эффектом функционирования института власти-собственности и связанных с властью группами специальных интересов.

В условиях глобализации можно наблюдать интернационализацию элит, с одной стороны, и «возрождение» национальных ценностей, основанных на доминировании церемониальных ценностей, – с другой. Например, в Российской Империи технологическая модернизация, инициированная государством, вполне уживалась с действиями того же государства по консервации институтов (иногда в рамках отдельных регионов), препятствующих развитию. И если формальные демократические институты не обязательно ведут к формированию развитой рыночной экономики, то отсутствие демократических институтов неизбежно приводит к формированию и соперничеству групп интересов. И только в случае, если одной из групп удастся сконцентрировать власть, то возможен вариант авторитарной модернизации. Однако авторитарная модернизация содержит в себе угрозы, которые могут быть устранены только в результате длительной и последовательной политики по развитию и импорту преимущественно формальных институтов и механизмов регулирования, присущих развитым странам Запада.

Таким образом, авторитарная модернизация становится возможной при довольно редком сочетании условий, которые приводят к консенсусу элит относительно ее методов и целей. Реалии современно мира таковы, что финансовые ресурсы и капитал перетекают из автократических стран (Олсон, 2012) в страны с порядками открытого доступа. Недостаток капитала может значительно затруднять модернизацию и в конечном итоге приводит к смене доминирующих групп интересов в случае внешних или внутренних кризисов.

Переход от естественного государства к порядку открытого доступа может осуществляться как часть процесса модернизации. И здесь мы хотели бы акцентировать внимание на трех проблемах, которые в перспективе должны рассматриваться в контексте исследований модернизации: коллективные действия, институт собственности и механизмы правовой системы. Формирование институциональной системы порядка открытого доступа невозможно без удовлетворительного решения этих трех проблем. И здесь очень важно учитывать конкретные исторические закономерности эволюции национальных хозяйственных порядков для выявления специфических особенностей эволюции институтов и социальных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А. и Сатаров Г. (2012). Приоритеты институциональных преобразований в условиях экономической модернизации // *Вопросы экономики*, № 6, с. 67-69.
- Белокрылова О. С., Вольчик В. В. и Мурадов А. А. (2000). Институциональные особенности распределения доходов в переходной экономике. Ростов н/Д.
- Бережной И. В. и Вольчик В. В. (2008). Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Будон Р. (1998). Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.
- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. М.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Веблен Т. (2007). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, с. 10-32.
- Вольчик В. В. (2004). Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов-на-Дону, с. 191.
- Вольчик В. В. и Скорев М. М. (2003). Институциональная инерция и развитие российской системы образования // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 1, № 4, с. 55–63.
- Дементьев В. В. (2003). Институты, поведение, власть. Донецк: ДонНТУ.
- Дементьев В. В. (2012). Экономика как система власти. Донецк: Кашган.
- Иванов Д. В. (2012). По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*, Т. XV, № 4, с. 76.
- Иноземцев В. (2009). Доклад на круглом столе «Модернизация России: условия, предпосылки, шансы». М., 18 февраля. (<http://www.modernizatsya.ru>).
- Кларк Г. (2012). Прощай нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, с. 360-361.
- Коврыжко В. В. (2008). Национальная стратегия экономической модернизации в условиях кризисного развития // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 6. № 4-3, с. 18-21.
- Коврыжко В. В. (2010). Экономическая модернизация трансформирующихся экономик // *Journal of Economic Regulation = Вопросы регулирования экономики*, Т. 1. № 1, с. 44.
- Коврыжко В. В. (2011). Эволюция экономических систем от трансформации к модернизации: критерии и альтернативные модели // *Сборник научных трудов «Россия в современном мире»*. ИНИОН РАН, Т. 6, Ч. 1, с. 366-367.
- Коммонс Дж. (2011). Правовые основания капитализма. М.: Издательский дом высшей школы экономики, с. 16.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 3.

- Кондратьев Н. Д. (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, с. 58.
- Красильщиков В.А. (2009). Модернизация: зарубежный опыт и уроки для России / *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов*. Вып. 1 / Под ред. Иноземцева В. Л. М., с. 107.
- Кузнец С. (1972). Экономический рост наций. Совокупный продукт и структура производства // Новые книги за рубежом по общественным наукам. М., № 7.
- Латов Ю. В. (2004). Власть-собственность в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 2, № 4.
- Мир становится менее религиозным. (http://romir.ru/studies/370_1343678400/).
- Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*, Т. 1, Вып. 2.
- Норт Д., Уоллис Дж. и Вайнгайт Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Образованных людей в России все больше-расходы все ниже. (http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/09/120910_education_oecd_report_russia.shtml).
- Олсон М. (1995а). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.
- Олсон М. (1995б). Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // *Экономика и математические методы*, Т. 31, Вып. 4.
- Олсон М. (1998). Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация и социальный склероз. Новосибирск.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, с. 119.
- Пивоварова Э. П. (2008). Об опыте Китая «открытия внешнему миру» Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков / Сост.: П. Б. Каменнов. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, с. 232.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, с. 235.
- Полтерович В. (2009). Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // *Вопросы экономики*, № 6, с. 6.
- Полтерович В. М. Стратегии модернизации, институты и коалиции. (<http://www.gorby.ru>).
- Прохоров А. П. (2003). Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт».
- Райнерт Э. (2001). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ВШЭ.
- Расков Д. (2012). Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Регионы России. Социально-экономические показатели / Образование. М.: Росстат, 2012, с. 234-235.
- Розенберг Н. и Бирдцел-мл. Л. Е. (1995). Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. Новосибирск, с. 120.
- Россер-мл. Дж. Б. и Россер М. (2009). Новая экономическая компаративистика: полемические заметки // *Вопросы экономики*, № 8, с. 43.
- Сото Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., с. 35.
- Стиглиц Дж. (1999). Куда ведут реформы? К десятилетию начала переходных процессов // *Вопросы экономики*, № 7.
- Стиглиц Дж. (2003). Глобализация: тревожные тенденции. М.: Изд-во «Мысль».
- Шумпетер Й. (1982). Теория экономического развития. М.
- Acemoglu D., Aghion P. and Zilibotti F. (2004). Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // *Journal of the European Economic Association*. Forthcoming. WP.
- Acemoglu D. and Robinson J. A. (2013). Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, no. 2, pp. 173-192.
- Acemoglu D. and Robinson J. A. (2012). Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers.
- Acemoglu, D., Johnson, S. and Robinson, J. (2005). Institutions as the Fundamental

Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S. N. Durlauf (eds), Handbook of Economic Growth, vol. 1A, New York, Elsevier, pp. 385-472.

Arthur W. B. (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Bush P. D. (1987). The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075-1116.

Commons J. (1990). Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, p. 7.

David P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, vol. 75, no. 2.

Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. (2003). The New Comparative Economics // *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 4, pp. 595-619.

Elsner W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis // *Journal of Economic Issues*, vol. XLVI, no. 1.

Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., and Shleifer A. (2004). Do Institutions Cause Growth? NBER Working Paper, 10568, June.

Mokyr J. (1990). The lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. New York: Oxford University Press.

Mokyr J. (2000). Knowledge, Technology, and Economic Growth During the Industrial Revolution. Forthcoming in Bart Van Ark and Gerard Kuper, eds., Technology and Productivity Growth. The Hague: Kluwert.

Nelson R. R. (2002). Bringing institutions into evolutionary growth theory // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 12, no. 1, p. 26.

North D. C. (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton.

Olson M. Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *American Economic Review*, vol. 85, no. 2, pp. 22-27.

Pluta Joseph E. (2012). Technology vs. Institutions in Prehistory // *JOURNAL OF ECONOMIC ISSUES*, vol. 46, no. 1, pp. 209-226.

Rosenberg N. (1976). Perspectives on Technology. Cambridge University Press.

Tang S. (2011). A General Theory of Institutional Change. London: Routledge.

Williamson O. E. (1975). Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implication. N.Y.: Free Press.

REFERENCES

Auzan A. and Satarov G. (2012). The Priorities of the Institutional Reforms in Economic Modernization. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 6, pp. 67-69. (in Russian).

Belokrylova O. S., Volchik V. V. and Muradov A. A. (2000). Institutional features of the income distribution in a transition economy. Rostov-on-Don. (in Russian).

Berezhnoy I. V. and Volchik V. V. (2008). Exploring the economic evolution of the power-property institution. M.: UNITY-DANA. (in Russian).

Boudon R. (1998). Place disorder. Criticism of the social change theory. M. (in Russian).

Weber M. (1990). The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism // *Weber M. Selected Works*. M. (in Russian).

Veblen T. (1984). Theory of the Leisure Class. M.: Progress. (in Russian).

Veblen T. (2007). Why economics is not an evolutionary discipline // *Origins: the experience of studying economics as structure and process*. 2nd ed. M.: Publ. house of HSE, pp. 10-32. (in Russian).

Volchik V. V. (2004). Evolutionary Paradigm and institutional transformation of the economy. Rostov-on-Don, p. 191. (in Russian).

Volchik V. V. and Scorev M. M. (2003). Institutional inertia and the development of the Russian education system. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 4, pp. 55-63. (in Russian).

Dementyev V. V. (2003). Institutions, behavior, power. Donetsk: DNTU. (in Russian).

Dementyev V. V. (2012). Economy as a system of government. Donetsk: Chestnut. (in Russian).

Ivanov D. V. (2012). In the footsteps of "tiger": the analysis of the trajectories of social change in South Korea. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XV, no. 4, p. 76. (in Russian).

Inozemtsev V. (2009). Report of the round table "Modernization of Russia: conditions, prerequisites, the chances". Moscow, February 18. (<http://www.modernizatsya.ru>). (in Russian).

Clark G. (2012). Goodbye poverty! Brief economic history of the world. M.: Publ. House of the Gaidar Institute, pp. 360-361. (in Russian).

Kovryzhko V. V. (2008). National strategy of economic modernization in conditions of crisis development. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 6, no. 4-3, pp. 18-21. (in Russian).

Kovryzhko V. V. (2010). Economic modernization of the transforming economies. *Journal of Economic Regulation*, vol. 1, no. 1, p. 44. (in Russian).

Kovryzhko V. V. (2011). Evolution of economic systems from transformation to modernization: the criteria and alternative models. *Proceedings "Russia in the modern world"*. INION RAS, vol. 6, part 1, pp. 366-367. (in Russian).

Commons J. (2011). Legal basis of capitalism. M.: Publ. House of HSE, p. 16. (in Russian).

Commons J. (2012). Institutional Economics. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3. (in Russian).

Kondratiev N. D. (1989). Problems of economic dynamics. M.: Economics, p. 58. (in Russian).

Krasilshikov V. A. (2009). Modernization: international experience and lessons for Russian / *Russian Modernization: conditions, prerequisites, chances. Coll. of articles and materials*, vol. 1 / Ed. by Inozemtsev V. L. M., p. 107. (in Russian).

Kuznets S. (1972). Economic growth of nations. Total product and production structure / New books from abroad in the social sciences. M., no. 7. (in Russian).

Latov Yu. V. (2004). Power-property in medieval Russia. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 2, no. 4. (in Russian).

The world is becoming less religious. (http://romir.ru/studies/370_1343678400/). (in Russian).

North D. (1993). Institutions and economic growth: a historical introduction. *THESIS*, vol. 1, Issue 2. (in Russian).

North D., Wallis J. and Weingast B. (2011). Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. M.: Publ. House of Gaidar Institute. (in Russian).

The number of educated people in Russia is increasing - expenses are reducing. (http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/09/120910_education_oecd_report_russia.shtml). (in Russian).

Olson M. (1995a). Logic of collective action. Public goods and the theory of groups. M. (in Russian).

Olson M. (1995b). The power dispersion and society in transition period. Medications from corruption, decay and economic slowdown. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 31, no. 4. (in Russian).

Olson M. (1998). The rise and decline of nations. Economic growth, stagflation and social sclerosis. Novosibirsk. (in Russian).

Olson M. (2012). Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. M.: New Publishing, p. 119. (in Russian).

Pivovarova E. P. (2008). On the experience of China's "opening to the outside world", Economic Reform in China: at the turn of the century / Comp. by P. B. Kamennov. M.: Inst. of Far East RAS, p. 232. (in Russian).

Polanyi K. (2002). The Great transformation: the political and economic origins of our time. St. Petersburg: Aletheia, p. 235. (in Russian).

Polterovich V. (2009). Innovation pause hypothesis and modernization strategy. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 6, p. 6. (in Russian).

Polterovich V. M. Modernization strategies, institutions and coalitions (<http://www.gorby.ru>). (in Russian).

Prokhorov A. P. (2003). Russian model of governance. M.: Expert Journal. (in Russian).

- Reinert E.* (2001). How rich countries became rich, and why poor countries stay poor. M.: HSE. (in Russian).
- Raskov D.* (2012). Economic institutions of the Old Believers. St. Petersburg: Publ. House of St. Petersburg Univ. (in Russian).
- Regions of Russia. Social-economic indicators / Education. M.: Rosstat, 2012, pp. 234-235. (in Russian).
- Rosenberg N.* and *Birdtsel-Jr. L. E.* (1995). How the West became rich. Economic transformation of the industrial world. Novosibirsk, p. 120. (in Russian).
- Rosser-Jr. J. B.* and *Rosser M.* (2009). A Critique of the New Comparative Economics. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 8, p. 43. (in Russian).
- Soto E.* (1995). Other way. Invisible Revolution in the Third World. M., p. 35. (in Russian).
- Stiglitz J.* (1999). Whither Reform? Ten Years of the Transition. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 7. (in Russian).
- Stiglitz J.* (2003). Globalization: disturbing trends. M.: Publ. House "Thought". (in Russian).
- Schumpeter J.* (1982). Theory of economic development. M. (in Russian).
- Acemoglu D., Aghion P.* and *Zilibotti F.* (2004). Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. *Journal of the European Economic Association*. Forthcoming. WP.
- Acemoglu D.* and *Robinson J. A.* (2013). Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, no 2, pp. 173-192.
- Acemoglu D.* and *Robinson J. A.* (2012). Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers.
- Acemoglu D., Johnson, S.* and *Robinson, J.* (2005). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S. N. Durlauf (eds), Handbook of Economic Growth, vol. 1A, New York, Elsevier, pp. 385-472.
- Arthur W. B.* (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Bush P. D.* (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075-1116.
- Commons J.* (1990). Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, p. 7.
- David P.A.* (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, vol. 75, no. 2.
- Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F.* and *Shleifer A.* (2003). The New Comparative Economics. *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no 4, pp. 595-619.
- Elsner W.* (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis. *Journal of Economic Issues*, vol. XLVI, no. 1.
- Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F.,* and *Shleifer A.* (2004). Do Institutions Cause Growth? NBER Working Paper, 10568, June.
- Mokyr J.* (1990). The lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. New York: Oxford University Press.
- Mokyr J.* (2000). Knowledge, Technology, and Economic Growth During the Industrial Revolution. Forthcoming in Bart Van Ark and Gerard Kuper, eds., Technology and Productivity Growth. The Hague: Kluwert.
- Nelson R. R.* (2002). Bringing institutions into evolutionary growth theory. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 12, no. 1, p. 26.
- North D. C.* (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton.
- Olson M. Jr.* (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies. *American Economic Review*, vol. 85, no. 2, pp. 22-27.
- Pluta Joseph E.* (2012). Technology vs. Institutions in Prehistory. *JOURNAL OF ECONOMIC ISSUES*, vol. 46, no. 1, pp. 209-226.
- Rosenberg N.* (1976). Perspectives on Technology. Cambridge University Press.
- Tang S.* (2011). A General Theory of Institutional Change. London: Routledge.
- Williamson O. E.* (1975). Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implication. N.Y.: Free Press.